

И. В. Ефремова

Значение синтеза искусств в организации пространства-времени бала

Определяется роль синтеза искусств в формировании художественного компонента бала. Рассматриваются структурные элементы бального действия, которые, выполняя определенные функции и взаимодействуя друг с другом, формируют его хронотоп. Выявляются непосредственные и опосредованные, явные и латентные, непрерывные и дискретные, односторонние и многосторонние, константные и спорадические связи элементов в системе бала. Анализируются художественные и нехудожественные элементы: системообразующие, структурообразующие и витальные. Делается вывод, что главным элементом бальной системы является *Homo saltans* (Человек танцующий). Подчеркивается, что синтез искусств способствует созданию единого семиотического поля, представляющего полифонию знаковых систем, наделяющих бальный пространственно-временной континуум особым смыслом и эстетической ценностью.

Ключевые слова: бал, хронотоп бала, синтез искусств, структурно-смысловая система, элементы бального действия, нелинейность бальной системы, *Homo saltans* (Человек танцующий).

I. Efremova

The importance of the synthesis of arts in the organization of the space-time of the ball

The article is devoted to defining the role of the synthesis of arts in the formation of the artistic component of the ball, considers the structural elements of the ballroom action which, performing certain functions and interacting with each other, form its chronotope. Direct and indirect, explicit and latent, continuous and discrete, unilateral and multilateral, constant and sporadic connections of elements in the ball system are revealed. The author analyzes artistic and non-artistic elements: systemic forming, structure-forming and vital. It is concluded that the main element of the scoring system is *Homo saltans* (the dancing man). It is emphasized that the synthesis of arts contributes to the creation of a single semiotic field, representing the polyphony of sign systems that endow the ballroom space-time continuum with a special meaning and aesthetic value.

Key words: ball, chronotope of the ball, synthesis of arts, the ball as an integral structural and semantic system, components of the ball, elements of the ball, the nonlinearity of the ball system, *Homo saltans* (Dancing Man).

Одним из важных аспектов изучения бальной культуры является проблема рассмотрения бала как целостной структурно-смысловой системы, основанной на взаимодействии художественного и нехудожественного компонентов. Ее решение предполагает осуществление анали-

за компонентаў бала на функцыянальным, структурным і семантычным узроўнях. Адрэбныя элементы бальнага феномена палучылі асвятчэнне ў работах зарубежных і адечественных ісследавателю. Так, музыкальнай састаўляючай художественнага компонента уделяюць уважанне О. Дадымова [7], М. Друскін [9], А. Лебедева-Емеліна і Е. Левашев [15], Э. Маккі [43], С. Немогай [19], Н. Огаркова [21], Н. Рыжкова [23], Д. Сосновскі [25], З. Стенчевская [48], Е. Уварова [29], А. Фролов [32], Д. Хартц [40] і др. Танцэвальны элемент расматрываюць Т. Бакленд [34; 35], І. Бодунова [3], І. Брейнард [33], Е. Ерэміна-Соленікова [10], Е. Міхайлова-Смольнякова [17], М. Нордэра [44], А. Райнхарт [45], К. Сім [47], Р. Харрыс-Уоррык [39], В. Хілтон [41], С. Ховард [42] і др. Архитектурная састаўляючая палучыла асвятчэнне ў ісследованиях Р. Байбуравой [2], Н. Брунова [4], Э. Э. Віолле-ле-Дюка [5], Т. Габрус [6], М. Демідова [8], Е. Квітніцкай [12], А. Кулагіна [14], В. Морозова [18], Л. Нікіфарова [20], М. Фінк [37], Х. Френч [38] і др. Жывопісны, скульптурны і дэкаратывна-прыкладныя элементы ісследуюцца О. Баженовай [1], Ю. Золотавым [11], О. Сокаловай [24], М. Тарасовай [26], С. М. Тркульей [49], І. Тучковым [27], В. Уваровым [28], Ф. Эйна [36] і др. Нехудожественны компонент бала (ігравой і камунікацыйны) расматрываецца ў работах А. Колеснікавай [13], Ю. Лотмана [16], І. Угліка [30] і др.

Несмотря на обширный корпус исследований, в той или иной степени затрагивающих проблематику значения искусства в организации бального хронотопа, сегодня в сфере научного знания бал не получил осмысления как целостная система, художественный компонент которой базируется на синтезе искусств. Это определяет актуальность темы данной статьи.

Цель статьи состоит в выявлении роли синтеза искусств в формировании художественного компонента бала.

Художественная семиосфера пространства-времени бала базируется на феномене синтеза искусств, объединяющего в органическую системную целостность его динамические и статические виды, которые активно взаимодействуют друг с другом в границах бального хронотопа, оказывая эстетическое влияние на акторов бала, обогащая их духовный мир и приобщая «ко всему культурному Универсуму» [22]. В контексте синергетического подхода бал предстает как самодостаточная целостно-структурированная система, по отношению к которой различные виды художественного творчества выступают в качестве структурных элементов. Их количественная множественность позволяет говорить о сложности состава и организации бального действия.

В функциональном плане задачи элементов бала могут быть сведены к двум основным – репрезентативной и утилитарной. Кроме того, фор-

мирующие бальный хронотоп виды искусства в полной мере реализуют эстетическую и формообразующую функции, выступая инструментами организации системы в пространстве и времени. В плане структурообразования бала следует выделить роль музыкальной и танцевальной составляющих как ритмизирующих, упорядочивающих и гармонизирующих факторов, «цементирующих» бальную композицию. С содержательной точки зрения семантическим центром, «ядром семиосферы» (Ю. Лотман) бального организма является танец. По отношению к нему прочие художественные элементы выступают в качестве смыслового дополнения, «периферии семиосферы» (Ю. Лотман).

В эмоционально-чувственном контексте необходимо подчеркнуть значение музыкального элемента. Музыкально-танцевальная ритмизация, во-первых, усиливает коммуникативную функцию бала, во-вторых, структурирует его, определяя последовательность смены бальных эпизодов. От эпохи к эпохе, с одной стороны, усиливается мелодическая выразительность музыкальной составляющей, формирующей особую, бальную, атмосферу, что способствует эстетической ценности музыкального элемента. С другой – от столетия к столетию ускоряется темп бальных танцев, возрастает количество быстрых композиций в танцевальной программе, что позволяло Homo saltans (Человеку танцующему) открыто выражать свои эмоции и чувства. Данная черта стала сущностной в буржуазном обществе, определив доминанту временных и пространственно-временных искусств над пластическими, наполнив бальное пространство эмоциональной интенсивностью и динамичностью.

Среди видов художественного творчества, производящих эффект первого впечатления от будущего бала, выделяются визуальные. Архитектурное соло или архитектурно-скульптурный (шире – архитектурно-ландшафтный) ансамбль выполняли функцию бального занавеса (со стороны экстерьера), после «открытия» которого пластическая «партитура» дополнялась выразительными партиями живописи и декоративно-прикладного творчества, создающими впечатление роскошных бальных декораций (со стороны интерьера). Архитектурное произведение, являясь своего рода визитной карточкой определенной историко-культурной эпохи, конкретного государства в целом, и этнических традиций в частности, личности заказчика и личности создателя проекта, в комплексе со скульптурной, живописной и декоративно-прикладной составляющими наделялось способностями накопления и трансляции художественного, ценностно-смыслового и мифосимволического значений [31].

Статический художественный инструментарий также влиял на формирование субъективного пространства участников бального действия.

Нахождение актора бала в ситуативных «декорациях» создавалось средствами пластических искусств. Так, ситуация приезда на бал связана с воздействием на индивида выразительного языка архитектуры (экстерьера и интерьера). Ситуация исполнения танцевальных композиций – с влиянием произведений живописи, скульптуры и декоративно-прикладного творчества, выступающих украшением бальной залы и парадных апартаментов. Ситуация общения вне танцевального контекста расширяла пространственные рамки. Наряду с оформлением бальной залы и парадных комнат она могла быть дополнена зеленым декором пленэра, торжественным убранством столовой или буфета, функциональным оформлением игровых комнат и т. д.

Искусства динамические (временные и пространственно-временные), с одной стороны, формировали структурно-смысловую «скелет» бала, с другой – создавали особую эмоциональную атмосферу. Так, танцевальная программа, будучи семантическим ядром бала, его структурно-смысловой константой, притягивала и нередко объединяла остальные композиционные элементы бального мероприятия.

Выступая с древних времен в неразрывном единстве, музыка и танец, согласно концепции Августа Шлегеля, по-разному формируют чувственное восприятие действительности: музыка, как искусство временное, – при помощи слуха, обращенного внутрь и обуславливающего душевно углубленные представления, связанные с эмоциональными переживаниями; танец, как искусство пространственно-временное, помимо слуха задействует возможности зрения, обращенного вовне и обуславливающего представления, связанные с рациональным началом [46, р. 102]. Значение бальной музыки не сводилось только к прикладной функции, которой принадлежало организующее метроритмическое начало танцевальной программы бала и составляющих ее композиций, что способствовало регламентации отношений между субъектом бальной практики и временем. Музыка задавала необходимый темп каждому танцу, эмоциональный настрой на его исполнение и восприятие. Вне танцевального контекста она также создавала соответствующую мероприятию атмосферу.

Событийная насыщенность бальной жизни Homo saltans была непосредственно связана с ощущением им скорости времени: чем больше событий произойдет на балу, тем быстрее пролетит время, и наоборот. При этом события могли возникать, с одной стороны, в контексте воздействия на субъекта бала звуковых «декораций», создавая приподнятое настроение и вызывая чувство приобщенности ко всеобщему действию. С другой – в процессе исполнения танцевальных композиций. В этом случае большое значение имела смысловая значимость того или иного танца в общей танцевальной программе, которая могла пережи-

ваться по-разному. Так, вероятность того, что участие в исполнении первого танца, открывающего бал, равно как и композиций, в ходе которых предполагалось признание в своих чувствах, станет событием для многих его акторов, была достаточно велика.

В границах пространства-времени бала структурные художественные элементы находились в различных формах взаимодействия. И если тип тесного взаимодействия был характерен исключительно для танцевальной и музыкальной составляющих, связанных друг с другом органически, то иные элементы в системе бала объединялись на основе непосредственных и опосредованных, явных и латентных, непрерывных и дискретных, односторонних и многосторонних, константных и спорадических связей.

Так, непосредственные связи характерны: а) для триады «музыка – танец – архитектура (интерьер)»; б) для тетрады «архитектура (интерьер) – скульптура – живопись – декоративно-прикладное искусство (мебель, текстиль)»; в) для диады «танец – декоративно-прикладное искусство (костюм)». Опосредованные связи наблюдаются между диадами: «музыка – скульптура», «музыка – живопись», «музыка – декоративно-прикладное искусство», «танец – скульптура», «танец – живопись», «танец – декоративно-прикладное искусство (мебель, текстиль)». Связь между обозначенными элементами бальной системы предполагает посредника в виде архитектурной составляющей, способствующей коммуникации между ними в рамках бального хронотопа.

Явные связи объединяют элементы триады «музыка – танец – архитектура (интерьер)», диады «танец – декоративно-прикладное искусство (костюм)», а также тетрады «архитектура – скульптура – живопись – декоративно-прикладное искусство (мебель, текстиль)». Латентные типичны для взаимодействия динамических и статических составляющих, например «музыка – скульптура», «музыка – живопись», «музыка – декоративно-прикладное искусство», «танец – скульптура», «танец – живопись», «танец – декоративно-прикладное искусство (мебель, текстиль)».

Непрерывные связи присутствуют между элементами триады «музыка – танец – архитектура (интерьер)», диады «танец – декоративно-прикладное искусство (костюм)», а также тетрады «архитектура (интерьер) – скульптура – живопись – декоративно-прикладное искусство (мебель, текстиль)». Дискретные связи выявляются между музыкой и танцем в случае, если музыкальная составляющая в определенные моменты бальной композиции реализуется вне танцевального элемента, выполняя атмосферную (роль звукового фона в перерывах между танцами) или концертную функции.

Односторонние связи наблюдаются на уровне взаимодействия архитектурного и декоративно-прикладного элементов (мебель, текстиль).

Как правило, архитектурный стиль конкретной историко-культурной эпохи, проявляющийся на уровне экстерьера и интерьера, обуславливал стилистику декоративно-прикладной составляющей системы бала. Многосторонние связи возникают при контакте элементной диады «музыка – танец» и тетрады «архитектура (интерьер) – скульптура – живопись – декоративно-прикладное искусство (мебель, текстиль)».

В константных связях находятся элементы: а) триады «музыка – танец – архитектура (интерьер)»; б) диады «танец – декоративно-прикладное искусство (мебель, текстиль)»; в) тетрады «архитектура (интерьер) – скульптура – живопись – декоративно-прикладное искусство (костюм)». Спорадические связи могут возникать при взаимодействии следующих составляющих бальной системы: «музыка – скульптура», «музыка – живопись», «музыка – декоративно-прикладное искусство (мебель, текстиль)», «танец – скульптура», «танец – живопись», «танец – декоративно-прикладное искусство (мебель, текстиль)».

Помимо художественного компонента в состав бальной системы входил компонент нехудожественный в виде игры и коммуникации, экстраполированный на бальное пространство из повседневной жизни. Если на уровне художественного компонента между его элементами возникали внутренние связи, то внешние связи формировались при взаимодействии элементов художественной и нехудожественной составляющих, обеспечивая жизнедеятельность системы бала в ее тесном контакте с внебальной действительностью. Взаимодействие между художественным и нехудожественным компонентами бала выступало одним из факторов, обуславливающих нелинейность динамики в развитии данного феномена.

В числе художественных и нехудожественных элементов в системе бала, равно как и возникающих между ними формах связей, исходя из выполняемых ими функций, выделяются: а) системообразующие – музыка и танец, формирующие архитектуру бального действия; б) структурообразующие, определяющие структурно-композиционные особенности, функциональные ресурсы и характерные свойства бальной системы; в) витальные элементы нехудожественного компонента, обеспечивающие целостное функционирование системы бала и ее взаимодействие с миром повседневности.

Роль главного элемента бальной системы, одушевляющего ее посредством приведения в действие механизмов взаимодействия между художественным и нехудожественным компонентами, отводится субъекту бальной практики – Homo saltans. Благодаря Человеку танцующему бал превращается в целостно функционирующую систему высшего порядка, подчиняющуюся принципам нелинейного развития.

Проявление нелинейности бальной системы отчасти кроется в различной связи составляющих ее элементов с историческим временем.

В отличие от статических искусств, нередко маркировавших на уровне пространственного и хронотопического вектора Прошлое, динамические, как правило, были связаны с Настоящим, тем самым подчеркивая современность бальной практики для той или иной эпохи, ее неразрывную связь с текущим временным моментом. Исключение составляли балы-маскарады, тематика которых была связана с минувшими столетиями, что определяло особенности музыкально-танцевальной лексики, заимствованной из прошлого. Взаимодействие перечисленных элементов бальной системы в рамках синтеза искусств вызывало к жизни разные модели отношений Настоящего и Прошлого, рождая на уровне субъективного хронотопа бала возможность формирования воображаемого Будущего.

1. *Баженова, О. Д.* Монументально-декоративное искусство Несвижа XVIII века: европейский контекст и стилистическое своеобразие : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 07.00.04 / О. Д. Баженова ; Отдел архитектуры ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси». – Минск, 2013. – 49 с.

2. *Байбурова, Р. М.* Русский усадебный дом середины XVIII века как элемент развлекательной культуры барокко / Р. М. Байбурова // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. / ред.-сост. Е. В. Дуков. – СПб., 2000. – С. 69–87.

3. *Бодунова, И. И.* Европейский бальный танец в контексте белорусской культуры : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 24.00.01 / И. И. Бодунова ; Беларус. гос. ун-т культуры и искусств. – 26 с.

4. *Брунов, Н.* Дворцы Франции XVII и XVIII веков / Н. Брунов. – М. : Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1938. – 70 с.

5. *Виолле-ле-Дюк, Э. Э.* Жизнь и развлечения в Средние века [Электронный ресурс] / Эжен Эмманюэль Виолле-ле-Дюк. – Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/67826>. – Дата доступа: 26.03.2022.

6. *Габрусь, Т. В.* Ружаны: Дворцовый комплекс / Т. В. Габрусь // Свод памятников истории и культуры Белоруссии : Брестская область. – Минск, 1990. – С. 367–368.

7. *Дадзіёмава, В. У.* Музыкальная культура Беларусі XVIII стагоддзя: Гісторыка-тэарэтычнае даследаванне / В. У. Дадзіёмава. – Выд. 2-е, перапрац. – Мінск : Беларус. дзярж. акад. музыкі, 2004. – 384 с.

8. *Демидова, М. А.* Дворец Фонтенбло эпохи Франциска I и его место в истории французской ренессансной архитектуры : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 07.00.04 / М. А. Демидова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2003. – 32 с.

9. *Друскин, М. С.* Очерки по истории танцевальной музыки / М. С. Друскин. – Л. : Ленингр. филармония, 1936. – 204 с.

10. *Еремина-Соленикова, Е. В.* Старинные бальные танцы. Новое время / Е. В. Еремина-Соленикова. – СПб. : Планета музыки : Лань, 2010. – 251 с.

11. *Золотов, Ю. К.* Фрески палатцо Лабиа и новая образность Тьеполо / Ю. К. Золотов // Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и Просвещения. – М., 1997. – С. 221–230.

12. *Квитницкая, Е.* Строительство Тызенгауза в Гродно. Часть 4. – [Электронный ресурс] / Елена Квитницкая. – Режим доступа: <https://harodnia.com/be/uczora/vkl-recz-raspalitaja/576-elena-kvitnitskaya-stroitelstvo-tyzengauza-v-grodno-chast-4>. – Дата доступа: 29.03.2022.

13. *Колесникова, А. В.* Бал в истории русской культуры : дис. ... канд. культурол. наук : 24.00.02 / А. В. Колесникова. – СПб., 1999. – 286 с.

14. Кулагин, А. Н. Архитектура дворцово-усадебных ансамблей Белоруссии : вторая половина XVIII – начало XIX в. / А. Н. Кулагин ; под ред. О. А. Швидковского. – Минск : Наука и техника, 1981. – 134 с.

15. Лебедева-Емелина, А. В. Русская музыка второй половины XVIII в. в контексте ритуалов и церемониалов, празднеств и развлечений / А. В. Лебедева-Емелина, Е. М. Левашев // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. / ред.-сост. Е. В. Дуков. – СПб., 2000. – С. 43–68.

16. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.) / Ю. М. Лотман. – Изд. 2-е, доп. – СПб. : Искусство-СПб, 1999. – 415 с.

17. Михайлова-Смольнякова, Е. С. Старинные балльные танцы. Эпоха Возрождения / Е. С. Михайлова-Смольнякова. – СПб. : Планета музыки : Лань, 2010. – 167 с.

18. Морозов, В. Ф. Архитектура Гомеля Румянцевых и Паскевичей в европейском контексте / В. Ф. Морозов // Гомельский дворцово-парковый ансамбль: от усадьбы до музейного комплекса : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Гомель, 2019. – С. 5–11.

19. Немагай, С. М. Жыццё і творчасць М. К. Агінскага ў каардынатах яго часу і культурнага асяроддзя / С. М. Немагай ; М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. акад. музыкі. – Мінск : БДАМ, 2007. – 519 с.

20. Никифорова, Л. В. Феномен дворца в художественной культуре западноевропейского барокко : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Л. В. Никифорова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2001. – 18 с.

21. Огаркова, Н. А. Музыка как феномен церемониальной и повседневной жизни русского двора : XVIII – начало XIX века : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения : 17.00.02 / Н. А. Огаркова ; Рос. ин-т истории искусств. – СПб., 2004. – 36 с.

22. Поваляшко, Г. Н. Духовность и эстетическая культура [Электронный ресурс] / Г. Н. Поваляшко // Вестник КарГУ. – Караганда, 2007. – Режим доступа: <https://articlekz.com/article/5255>. – Дата доступа: 10.04.2022.

23. Рыжкова, Н. А. Балльные танцы и оперная музыка начала XIX в. / Н. А. Рыжкова // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. / ред.-сост. Е. В. Дуков. – СПб., 2000. – С. 196–210.

24. Сакалова, В. М. Палац як сяміятычны кампанент магнацкай культуры (на прыкладзе маёнткаў Тышкевічаў) / В. М. Сакалова // Рэпрэзентацыя і музеіфікацыя творчай спадчыны Тышкевічаў у Беларусі і Літве : Пятыя міжнар. Тышкевіцкія чытанні, Мінск, Крэцінга, 14–15 мая 2014 г. : манагр. зб. / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск, 2014. – С. 57–71.

25. Сасноўскі, З. Музыкальная культура рыцарскага саслоўя Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага / Зміцер Сасноўскі. – Мінск : Кнігазбор, 2010. – 133 с.

26. Тарасова, М. С. К вопросу о системе праздничного убранства итальянского палаццо / М. С. Тарасова // Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и Просвещения. – М., 1997. – С. 150–161.

27. Тучков, И. И. Genius loci: вилла д'Эсте в Тиволи / И. И. Тучков // Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и Просвещения. – М., 1997. – С. 177–190.

28. Уваров, В. Д. Таписсерия и фрески как неотъемлемый элемент убранства итальянских палаццо / В. Д. Уваров, А. Л. Корочкина // Бизнес и дизайн ревю. – 2018. – № 1 (9). – С. 12.

29. Уварова, Е. Д. Вокзалы, сады, парки / Е. Д. Уварова // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. / ред.-сост. Е. В. Дуков. – СПб., 2000. – С. 316–350.

30. Углик, И. Г. Игровой компонент в культуре шляхты белорусских земель XVII–XVIII вв. / И. Г. Углик // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. – 2014. – № 1 (172). – С. 41–46.

31. Федоров, В. В. Архитектурные руины в современном мире / В. В. Федоров, В. А. Давыдов, А. В. Левиков // Архитектура и строительство России. – 2013. – № 11. – С. 14–21.

32. Фралоў, А. Велікакняскія капэлы Гедымінавічаў (Альдоны, Вітаўта і Ягайлы) як цэнтры развіцця прафесійнага інструменталізму Беларусі / А. Фралоў // Весці Беларускага дзяржаўнага акадэмічнага музычнага інстытута. – 2004. – № 5 – С. 18–24.

33. *Brainard, I.* Bassedanse, bassadanza and ballo in the 15th century / I. Brainard // Dance history research: perspectives from related arts and disciplines : the proc. of the second Conf. on Research in Dance, Warrenton, July 4–6, 1969 / ed. J. W. Kealiinohomok ; comm. on Research in Dance. – New York, 1970. – P. 64–79.

34. *Buckland, Th.* Dancing from past to present: nation, culture, identities (studies in dance history) / Th. Buckland. – Madison : The Univ. of Wisconsin Press, 2006. – XII, 245 p.

35. *Buckland, Th.* Society dancing: fashionable bodies in England, 1870–1920 / Th. Buckland. – Houndmills : Palgrave Macmillan, 2011. – 247 p.

36. *Einaud, F.* L'art de decorer un chateau au Moyen Age / F. Einaud // *Connaissance des arts*. – 1960. – XCVI. – P. 82–89.

37. *Fink, M.* Der Ball: eine Kulturgeschichte des Gesellschaftstanzes im 18. und 19. Jahrhundert / M. Fink. – Innsbruck : Studien ; Lucca : Libr. musicale italiana, 1996. – 237 s.

38. *French, Hilary.* Glamorous Spaces: Public Ballrooms and Dance Halls, 1890–1950 [Electronic resource] / Hilary French. – 2015. – Vol. 6. – P. 41–57. – Mode of access: <https://doi.org/10.2752/204191115X14218559960196>. – Date of access: 13.12.2022.

39. *Harris-Warrick, R.* Ballroom dancing at the court of Louis XIV / R. Harris-Warrick // *Early Music*. – 1986. – Vol. 14, № 1. – P. 41–50.

40. *Heartz, D.* A 15-th century ballo: Rôti bouill i joyeux / D. Heartz // *Aspects of medieval and Renaissance music: a birthday offering to Gustave Reese* / ed.: J. Larue [et al.]. – New York, 1966. – P. 359–375.

41. *Hilton, W.* A dance for kings: the 17th-century French «courante»: its character, step-patterns, metric and proportional foundations / W. Hilton // *Early Music*. – 1977. – Vol. 5, № 2. – P. 160–172.

42. *Howard, S.* The politics of courtly dancing in early modern England / S. Howard ; ed. A. K. Kinney. – Amherst : Univ. of Massachusetts Press, 1998. – XII, 222 p. – (Massachusetts studies in early modern culture ; № 8).

43. *McKee, E.* Mozart in the ballroom: minuet-trio contrast and the aristocracy in self-portrait / E. McKee // *Music Analysis*. – 2005. – Vol. 24, № 3. – P. 383–434.

44. *Nordera, M.* La donna in ballo. Danza e genere nella prima età moderna / Marina Nordera. – Florence : Institut Universitaire Européen, 2001. – 437 p.

45. *Rinehart, A. P.* French society abroad: the popularization of French dance throughout Europe, 1600–1750 / A. P. Rinehart // *Mus. Offerings*. – 2017. – Vol. 8, № 2. – P. 65–79.

46. *Schlegel, A. W.* Die Kunstlehre. In «Kritische Schriften und Briefe» / A. W. Schlegel. – Stuttgart : W. Kohlhammer, 1963, – Bd. II. – 368 p.

47. *Sim, C.* Renaissance court dance in Italy and France : a short summ. [Electronic resource] / C. Sim // *Dancetime Publication*. – Mode of access: https://dancetimepublications.com/wp-content/uploads/2011/02/REVISED-REN_Dance_8_31_12.pdf. – Date of access: 05.07.2019.

48. *Stęszewska, Z.* Tańcy // *Muzyczne silva rerum z XVII wieku : rekonstrukcja 127/56* / Zofia Stęszewska, Jerzy Gołos, Jan Stęszewski // *Źródła do historii muzyki polskiej (zesz. 16)*. – Biblioteki Jagiellońskiej. – Krakow : Polskie Wyd. Muzyczne, 1970. – 132 s.

49. *Trkulja, S.* *Meloni*. Dipinti tradotti in arazzo, a Firenze e a Roma / S. Meloni Trkulja // *Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и Просвещения*. – М., 1997. – С. 210–220.